Татьяна Хренникова

Деревенские байки

PROзрение

Татьяна Хренникова

Деревенские байки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70529641
SelfPub; 2024

Аннотация

Деревенские байки – это короткие рассказы, вымышленные герои которых живут своей жизнью, радуются и печалятся, по-разному справляются с ситуациями, которые встречаются на их жизненном пути. Каждый рассказ является отдельным целостным произведением, пронизанным смыслом.Все произведения – плод воображения автора, любые совпадения случайны.

Содержание

Овечье руно 4
Враг под маской друга 11
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Татьяна Хренникова
Деревенские байки

Овечье руно

Угасающие лучи золотистого солнца лениво ползли к кромке горизонта. Пожилая женщина со свисающими по обоим плечам редкими седыми волосами сидела у окна и потягивала старую потертую трубку, набитую махоркой. Дым тонкой струйкой поднимался вверх и ускользал в открытую форточку.

Непривычно крепкие январские морозы, взявшие весь хутор в тиски, рисовали филигранные узоры на стеклах окон с деревянными рамами и лишали местных жителей всякого желания выходить на улицу.

Задумчивый взгляд Прасковьи Кузьминичны, так звали пожилую женщину, был устремлен в скрытую под изморозью даль.

– Баб, а баб… – внезапно раздался юный голосок откуда-то сбоку.

На полу сидела девушка лет пятнадцати и перебирала старые фотографии, хранившиеся в затасканной картонной коробке.

Пожилая женщина повернула голову и уставилась на

внучку.

– Вот вы с дедом сколько вместе прожили? – спросила девушка бабушку.

Прасковья Кузьминична положила трубку в продолговатое стеклянное ложе на подоконнике, выдержала паузу, издала невнятный звук, будто задумалась, потом ответила:

– Три по четверти, одна – до ста не дотягивает, Манька.

– Это что же… – медленно пробормотала девушка и начала считать в уме. – Семьдесят пять лет… Погоди… Тебе сейчас девяносто… Девяносто минус семьдесят пять – будет пятнадцать… Ты что, в пятнадцать лет за дедушку замуж вышла?

Пожилая женщина цокнула, затем, сдержав недовольство, сухо буркнула:

– Какая ж ты непонятливая, Манька! Ей-Богу!

– Ты сказала, я посчитала, получается так, – Манька развела руки в стороны.

– Ты спросила, сколько лет вместе, а ни сколько лет замужем, – пояснила Прасковья Кузьминична.

Внучка задумалась. Пожилая женщина тем временем снова взяла трубку с подоконника и втянула в себя порцию густого дыма, затем выпустила его тонкой струйкой и добавила:

– Большая ты у меня, а умишка то мало.

Манька надула щеки и нахмурила брови.

– Чего надулась? – спросила бабушка внучку. – Правду

говорю. Выйти замуж – не напасть, как бы замужем не пропасть.

– Вечно ты пословицами говоришь! – буркнула Манька. – Ты объясни мне так, чтобы я поняла. По-человечески.

Пожилая женщина уставилась сначала вдаль, затем вздохнула, положила трубку снова на подоконник в стеклянное ложе и начала свой рассказ:

– Нас пятеро в семье было: я, Колька, Гена, Устинья и Власа. На столе не было ни крошки, да и чего греха таить, во всем городе шар покати. Мать болела часто. Порывшись в закромах, мать достала медного «павлушу» и дала отцу. Тот выменял его на старую хибару с огородом в версте от Сорлуча, да две овцы и одного барана. Ни души вокруг. Только поле и сопки. Так отара у нас появилась. Благо зимы плюсовые, лето на осадки не жадное, да почва плодородная. Быстро мы разжились. От цивилизации отвыкли совсем. Да и почто она нам, если писать и читать сами научились, продуктами себя сами обеспечили: огород садили, лепешки пекли, и мяса вдоволь было. Одежду нам мать пряла из бараньего руна да шила из мешковины. – Женщина снова взяла в руки трубку, втянула дым, затем вернула на место и продолжила рассказ. – Я совсем молоденькой была, твоих лет, но худенькая, босоногая, с наспех заплетенными косами, свисающими по бокам, и в заплатанном платье, когда твой дед забрел к нам на отару. Братья сразу насторожились, раскраснелись, увидев чужака. Еще бы. Жили себе, жили, никого не видели, не

слыхивали, да и в мире, что уж там говорить, не ведали, что происходит. Отец же остудил их пыл и пошел сам к незнакомцу. Увидев, что незваный гость совсем юный паренек, и угрозы не представляет, он завел его в дом и велел накрыть обеденный стол. Помню, как не посмотрю на него, босоногого, чумазого, так смех берет. Как же стыдно потом было, когда он поведал нам свою историю.

Прасковья Кузьминична покачала головой, оперлась локтем о подоконник и уперлась лбом в ладонь.

– Ты чего, баб? – спросила Манька.

– Да так. Перед глазами все стоит так явно, как будто вчера еще было, – ответила пожилая женщина, потом встрепенулась. – Чего ж это я?! На чем, Манька, я остановилась?

– На истории деда, – сказала внучка.

– Ах, да, моя! Что ж, рассказал он нам, и что война Великая отечественная была, и что на фронт он успел попасть, и что в госпитале пролежать с ранением довелось. Матери не было у него, а после госпиталя и других своих родственников не обнаружил: отец без вести пропал, братья – тоже кто погиб, кто пропал без вести, а дом и вовсе сгорел. Вот так.

– Хм, – внучка призадумалась. – А мне он этого не рассказывал.

– Отец оставил его у нас по хозяйству помогать, баранов да овец пасти, а я все ходила мимо, потупив вниз глаза. До чего же мне стыдно то было! А он – то ромашек с поля нарвет, да в ручку двери заткнет, то венок сплетет, а сам – смот-

рит и улыбается, сдобрив щеки легким румянцем. Однажды говорит мне, мол, будь женой моей. Я чуть со смеху не лопнула. Так и повалилась на траву, схватившись за живот. Едва унялась. Говорю ему, мол, зелен еще, а потом, как осмелела в край, так вообще носом водила. Однако уже тогда я поняла, что есть в нем что-то такое… Как тебе сказать… Стержень. Так и бегал он за мной три года, а я фыркала, пока не настал день, который навсегда стал концом старого и началом нового периода в наших взаимоотношениях.

– И что же произошло? – с нетерпением в голосе спросила внучка. – Не томи же!

– Проснулись ночью, а загон с овцами и баранами то полыхает! Отец с матерью за голову схватились да бегают вокруг, в толк не могут взять, что произошло. Братья едва подбежали к нему, да языки пламени так обжигали, что ринулись назад. Дед твой схватил брезентовое полотно со стога стена, стоявшего за домом, одел на себя, побежал к загону. Скотину то жалко было бы, если бы сгорела. Запор отодвинул, внутрь юркнул и исчез в дыму. Меня холодным потом обдало. Минут пять не было его. Пока все отстойники открыл, ведь расплодилось то голов у нас уже сколько их, потом выбежал в брезенте, и они за ним. Так и спас всех. Загон сгорел, а скотина живой осталась. Вот тогда я и подумала, что это человек, за которого я готова выйти замуж, а день погодя и ему сказала все. Так поженились мы, спустя три года общения, и прожили семьдесят два года.

– И никогда не ругались? – спросила Манька.

– От чего же? Все ругаются! У меня характер еще тот, с перчинкой, – пожилая женщина рассмеялась.

– И как ругань не разрушила вашу совместную жизнь? – удивилась внучка.

– Как-как… – Прасковья Кузьминична закатила глаза, встала со стула и направилась к шифоньеру.

Порывшись в тряпках, пожилая женщина достала газетный сверток и подошла к столу. Положив сверток на плоскую поверхность, она развернула его, и внучка увидела кусок овечьего руна.

– Кусок шерсти? – удивилась Манька.

– Это не простая шерсть, – сказала бабушка, аккуратно проведя шероховатой рукой по мягкому волокну.

Скрипнула дверь. Прасковья Кузьминична и внучка обернулись, на пороге стоял дед, держа охапку дров.

– А мы сейчас его и спросим, – хитро улыбнулась бабушка. – А ну-ка, Тихон Петрович, скажи как нам, что это.

– Руно мира, – ответил дед, хихикнув, и опустил охапку дров возле печки. – Давно его не видел.

– Для чего же оно и какое отношение имеет к семейным ссорам? – с нетерпением спросила Манька.

Дед скинул валенки, подошел к Прасковье Кузьминичне, поцеловал ее в макушку, затем сказал:

– Оно у нас в серванте лежало раньше, на видном месте. Мы как с бабкой поругаемся, бывало, разойдемся по углам, а

потом выйдем в зал то, а там руно. Посмотрим, вспомним, с чего все начиналось, и сколько всего прошли, переглянемся, обнимемся и ссоре конец. И так уже больше полувека.

– Эх, – вздохнула внучка, улыбнулась и обняла стариков.

Враг под маской друга

Солнце прогрело уставшую от зимней стужи землю, и из нее не спеша стали появляться первые ростки травы. Затяжные майские праздники обещали быть насыщенными работой в огороде, поэтому на подмогу к старикам Татищевым приехали внуки. И ни к одним к ним. Праздники и каникулы – единственное время, когда проведшие вместе детство мальчишки и девчонки могли встретиться друг с другом, а не только погостить у бабушки с дедом.

Гришка и Ульянка, двойняшки двенадцати лет, влетели вихрем в калитку, оставив по невнимательности ее за собой открытой, затем быстро переместились в дом под восторженные возгласы бабушки и дедушки. Жучка, дворняга коричневого окраса со свисающими по бокам ушами, решила воспользоваться сей возможностью, выскочила из будки и устремилась на улицу. Пропажу обнаружили поздним вечером, когда дед решил показать внукам огород.

– Ах ты, шельма! – закричал пожилой мужчина и устремился в улицу.

Внуки выбежали следом.

– Убежала, – сказала бабка, выйдя на крыльцо с посудным полотенцем в руках.

Гришка и Ульянка поняли, что это их рук дело, вернулись в ограду и притихли. Дед, успокоившись, тоже зашел в огра-

ду и предложил внукам продолжить запланированную прогулку по огороду.

Витиевато струившийся ветерок ласково перебирал ветки молодых кустарников. Солнце то скрывалось за облаками, то выглядывало вновь, рассыпая повсюду свои золотистые лучи. Жизнь шла своим чередом, но, несмотря на это, в воздухе висело какое-то томящее напряжение.

– Дед, прости нас, – не выдержала Ульянка. – Это мы виноваты.

Дед повернулся, посмотрел на внучку, немного помолчал, затем махнул рукой и сказал:

– Надо будет, сама прибежит!

– Ты не обижаешься? – не унималась девочка.

– Нет! – сказал дед, будто обрубил. – Иди, вон, лучше у куриц в курятнике яички посмотри, а мы с Гришкой грядку вскопаем.

Ульянка кивнула головой и побежала. Дед с Гришкой взяли в сарае по лопате и пошли копать. Копали, копали, устали и решили сесть на лежавшее поодаль бревно передохнуть. На лбах у обоих выступила испарина.

– Эй, сосед! – раздался крик из соседского огорода.

Дед с Гришкой обернулись и увидели торчащую из-за забора седую мужскую голову в фуражке.

– Твоя псина? – спросил выглядывавший, подняв вверх собачонку.

– Вот, шельма! – рассердился старик, встал с бревна и по-

шел к калитке.

Сосед исчез за забором. Гришка не отставал от деда и побежал следом.

– Спасибо, – сухо буркнул дед, взял собаку и направился домой.

– Может быть, как-нибудь с жинкой на чай зайдете? – спросил сосед в спину Гришкиному деду, но дед не ответил.

Дед Татищев закрыл калитку, вернул собаку в будку и направился обратно к грядке. Взяв лопату, он продолжил копать. Гришка тоже. Ульянка выползла из курятника радостная от добытого тазика яиц.

– Теперь неси в дом к бабке, – сказал дед, и девочка побежала в дом.

Немного покопав, Гришка остановился, задумался и, выбрав момент, спросил деда:

– Слушай, дед, а чего ты так сухо ответил Мишкиному деду – деду Боре?

– А чего-й то спрашиваешь? – спросил дед, кряхтя.

– Да так, – ответил Гришка. – Мишка говорил, что вы с его дедом друзьями неразлучными были, а потом ты перестал с ним общаться.

Гришкин дед остановил копку, усмехнулся, немного помолчал, затем ответил:

– Застал ты меня, ей-Богу, врасплох, но знаешь… Как тебе правильно сказать… Бывают такие друзья, наравне с которыми враги выглядят куда лучше.

Гришка прищурил глаза и задумался.

– Не понял? – спросил дед.

Гришка помотал головой из стороны в сторону.

– Близкий друг может оказаться страшным врагом, а ты всю жизнь прожил с ним бок о бок и в толк не мог взять, почему у тебя то там, то сям не клеится, – объяснил дед.

– Мишкин дед – твой враг? – пришел к заключению Гришка.

– Типо того, – усмехнулся дед. – Но я зла не держу, иди он к лешему. Я похоронил нашу дружбу, как только узнал, какой он человек не самом деле.

– И какой же? – не унимался Гришка.

– С гнильцой, – резко отозвался дед о соседе.

– Это как яблоко? – уточнил внук.

– Как яблоко, – утвердительно ответил дед.

– Ничего не понимаю… Яблоко – фрукт, а человек нет… – Гришка развел руками.

– Ты маленький, да любопытный, – засмеялся дед.

Глаза у мальчонки загорелись, и он жалобно провопил:

– Расскажи, дед.

– Что ж, случай, – вздохнул дед Татищев и начал рассказ. – Были мы юными, энергичными, задорными; одним словом – кровь с молоком! С Мишкиным дедом так дружили, что едва ли ни братьями друг друга считали. И в школу вместе, и на рыбалку, и на танцы, потом уже и в техникум один даже пошли. Что ж, что было, то было. Училась с нами девушка

Лида. Юная, милая, воздушная, прямо как облако.

– Подожди! – воскликнул внук и сощурил глаза. – Нашу бабушку тоже Лида зовут.

Дед усмехнулся:

– Да, Лидия Николаевна. В девичестве – Лида Тихонова. Но ты слушай, сорванец, дальше, что я тебе скажу.

Мальчик замолчал и внимательно уставился на деда.

– Я смотрю: она нет, да украдкой на меня взгляд кинет, а потом встрепенется и отведет, как заметит, что я увидел, будто кипятком ее ошпарило, – продолжил дед. – Стал я за Лидой ухаживать: домой провожать, в кино приглашать. Понравилась девка мне, да и сама она ответила взаимностью, не то, что Мишкиному деду. Тот все с нами рвался то туда, то сюда, старался не отстать, а то и где без меня подкараулить и сопроводить ее. Учеба закончилась, армия замаячила на горизонте. Мы с так называемым другом в одну роту попали, а Лида здесь на гражданке работать пошла ткачихой на фабрику, потому что туго было с работой, а деньги были нужны. Два года службы прошли как на пороховой бочке. Поменялась моя Лида так, что никак я в толк не мог взять, что случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.